

Юлия Петрусявичюте

Цикл «С того берега»

* * *

Осень мокрая как птица
Улетала в теплый вырий
С обожженных красных крыльев
Рассыпая медяки

На обугленных страницах
Райнера Марии Рильке
Вместо букв бежали искры
Чтобы дописать стихи

По полям плясало пламя
На углях в лукошке года
Язычком последней спички
Норовя слизнуть звезду

И стояла вместе с нами
Наша девочка Свобода
В ожиданьи электрички
На распластанном мосту

* * *

Онемевший поэт и ослепший художник
Постаревший ребенок, безумный старик
Пишет пулями хронику из неотложек
Из безумных газет и растерзанных книг

Коллажи и рекламные клипы, витрины
Витражи, мониторы, экраны, щиты
Беззащитные лица, сутулые спины
Обнаженные руки, глазницы пусты

Пулевые отверстия, дыры навывлет
Автоматная очередь – и наповал
Труп эпохи надушен, накрахмален и вымыт
На застывшем лице застывает оскал

Пистолетные росчерки, залп многоточий
Пунктуация выстрелов, странные сны
Путевые заметки сожженных обочин
На полях поражений последней войны

Эта хроника не для грядущих потомков
Повесть временных лет – это для марсиан
Онемевший поэт, потерявшись в потемках,
Не за словом – за магнумом лезет в карман

Онемевший поэт и ослепший художник
Постаревший ребенок, безумный старик
Пишут пулями летописи неотложек
Заголовки газет и названия книг

Пишут тексты для радио и телебрета
Автоматная очередь. В сгустке вранья
Сжавшись в жалкий комок, умирает Победа
Или, может быть, ты, или, может быть, я.

* * *

И город затонул. Холодный дождь
Кругами разбегается по лужам.
Ты одинок, ты слаб, ты безоружен,
Ты никуда отсюда не уйдешь.

Ты пленник Атлантиды. В глубине,
На дне времен, среди немых созданий,
Ты связан, ты прикован, ты раздавлен
Обломками. Ты слышишь зов извне.

Далекий, еле слышный волчий вой,
Дрожащий от восторга и тоски.
И дыбом шерсть встает не по-людски,
И ты по-волчьи алой пьян луной,

Которая в зените над тобой,
И тянет, тянет душу, как магнит.
И сила притяжения звенит
В твоей крови натянутой струной.

* * *

Я живу в тишине. В тихом шелесте медленных туч,
В серой башне у самой черты горизонта, над морем.
Это древний маяк, и по стеклам его перед штормом
Пробегает зеленый и острый как лезвие луч.

От него зажигается в башне сигнальный огонь,
Запускается весь механизм. Штормовая сирена
Завывает как дева морская, поднявшись из пены,
И торжественно вторит ее завыванию шторм.

Десять тысяч испуганных птиц от пределов земных,
Обезумев, летят и летят через край на тот свет,
В те края, где ни боли, ни страха, ни холода нет,
Где прозрачное море спокойно и ветер затих.

* * *

Там стынет степь, как тело на ветру,
И бледная трава сплетается с травой
В надежде сохранить тепло. Живой
Остаться и проснуться поутру.

Здесь, выкопав могилу для себя,
И череп и стрелу находишь в ней,
И по расположению камней
Определяешь круг календаря,

Круговорот, и птичий перелет,
Начало года и конец времен.
И погружаясь в долгий зимний сон,
Вкушаешь мед. Осенний горький мед.

* * *

В рыбацкие сети летели осенние листья,
А в небе плескалась до самого дна синева.
Слова созревали, как яблоки на Покрова,
И горло сжималось от каждого нового смысла.
Слова созревали и падали с веток в траву,
Светились меж листьями мягким немеркнущим светом.
А рыбы в прудах ждали только попутного ветра,
Чтоб стаями сняться с деревьев и плыть в синеву.
Осенний прилив затопил города и сады,
Медвяной и лунной водой заполняя пределы.
Деревья стояли в дожде и тихонько гудели,
Как медные яблоки Китежа из-под воды.

* * *

Я живу один. Здесь только пески да глина.
Деревья, чужие птицы, кусты, колючие травы, жуки населяют остров.
Я уже выучил их язык и подолгу беседую с ними.
Мы стараемся не задавать друг другу лишних вопросов.

Кто кого сожрал на ужин, у кого затопили жилище,
Кто я сам такой и откуда, и как попал сюда, на этот край света –
Это все вопросы из категории лишних.
Мы тактично их избегаем в наших долгих беседах.

Вместо этого мы говорим о ветрах, приливах,
О песке, о времени, о перелетах птичьих,
О поющей воде, о танцующих травах, о ветре в ивах,
О воздушных стихиях вообще и об их обычаях.

Я с утра разбирал иероглифы в белом камне –
Об устройстве мира и сути всего живого.
Я бросаю в море бутылку с сухими листками
Подорожника. Там записано главное слово.

